

С. В. ГАВРИЛОВ

НА КРАЙНИХ ВОСТОЧНЫХ РУБЕЖАХ

*Тихое утро. Солнце сияет.
На пляж Халактырский волна набегают.
Мы роём окопы, не чувствуя рук.
На бруствер взойшёл молодой политрук.
Бойцы распрямились, отдав ему честь.
Он приказал отдохнуть и присесть.
Чайки летели, крича и кружась,
Беседа у нас душевно велась.
Он разъяснил обстановку в стране —
Идущей жестокой, кровавой войне,
Что Волга — последняя немцам преграда.
Могила им будет у стен Сталинграда...
Потом пошутил, анекдот рассказал,
Ответил тому, кто вопросы задал.
Простой и короткой беседа была,
Но дух боевой у солдат подняла...*

Н. Т. Попов, 1969 г.

В 1999 г. фонды Камчатского краевого объединённого музея, впрочем, тогда ещё называвшегося Камчатским областным краеведческим, пополнила коллекция документов и материалов, присланных с Украины, из Львова, жившим там майором Советской Армии в отставке, бывшим политработником Сергеем Константиновичем Юдиным. На их основе был сформирован его личный фонд из 117 единиц хранения.

Фонд содержит биографические материалы и уникальные документы конца 1930-х — середины 1940-х гг., в том числе повестку о призыве в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию, выписанную в октябре 1938 г., мандаты участника партийных конференций 101-й горно-стрелковой дивизии, развёрнутой на Камчатке в предвоенные годы, грамоту и благодарность Верховного Главнокомандующего за участие в освобождении островов Курильской гряды Симусю (Шумшу) и Парамушир, удостоверение к медали «За победу над Японией». Но большую часть фонда составляют материалы мемуарного и литературного характера. Здесь воспоминания о службе на Камчатке и Курилах в 1938—

1947 гг., биографические очерки о фондообразователе, некоторых его сослуживцах и командирах, о Курильской десантной операции августа 1945 г. и её участниках, уникальные сведения о жизни в первые послевоенные годы на освобождённых Курильских островах, очерки по истории отдельных воинских частей.

Фрагменты этих материалов в сокращённом виде были напечатаны в 1980-е гг. в газетах «Курильский рыбак», «Советский Сахалин» и «Камчатская правда», но большая часть их никогда не публиковалась. Особый интерес для исследователей может представить переписка с участниками Курильского десанта, в частности, с жившим в Казани командиром 373-го стрелкового полка В. Г. Губайдуллиным, приведённая в приложении к этой книге. Интересны также стихи Н. Т. Попова, посвящённые С. К. Юдину, с автографами участников десанта Героев Советского Союза П. И. Шутова и В. А. Кота, составленная им же схема японских укреплений на острове Шумшу и его воспоминания о службе на крайней оконечности полуострова Камчатки «Форпост на Лопатке», дополненные и прокомментированные фондообразователем.

Отдельную часть фонда составляют чёрно-белые фотоизображения конца 1930-х — первой половины 1940-х гг., освещающие отдельные эпизоды армейской жизни на Камчатке, и небольшая галерея портретов командиров и красноармейцев, сослуживцев С. К. Юдина, в том числе и участников Курильского десанта, снятых в различное время. Представлены и фотографии самого Сергея Константиновича периода 1939—1987 гг. К большинству документов и фотографий он составил аннотации с краткими сведениями об упомянутых людях и отражённых событиях.

Познакомимся с фондообразователем поближе. Мы располагаем двумя его рукописными автобиографиями, в которых указаны разные даты рождения: 3 января (КОКМ ОФ 33428 от 6 декабря 1999 г.) и 14 января (ККМГИ 29576 от 25 сентября 1991 г.). 1917 г. Но в одном из последних писем в музей он назвал датой своего рождения всё-таки

3 января. С. К. Юдин родился в селе Караси Челябинского уезда (по другой версии — Верхне-Уральского района) в бедной, многодетной семье, где кроме него имелись ещё четыре старших сестры и брат. После смерти отца жили тяжело. Наступила пора, старшие дети «пошли в люди, кто куда, и все выжили». Сергей окончил четыре класса начальной школы. В 1932 г. он в потёртом зипунчике, с котомкой за плечами, в которой были лишь булка да пять яиц, в сопровождении одной из сестёр отправился в город Барбинск. Здесь в школе фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) можно было выучиться на очень востребованную и уважаемую в то время, к тому же одну из самых пролетарских, профессию слесаря по ремонту паровозов, или, как тогда говорили, на слесаря-паровозника. «Фабзаец», то есть ученик ФЗУ, по нормам снабжения приравнивался к кадровым промышленным рабочим, а это значило, что он мог ежедневно получать по карточке целых восемьсот граммов хлеба — настоящее богатство для постоянно голодного подростка!

Окончив ФЗУ в 1934 г., вначале стал слесарем-паровозником, но в этом же году перешёл на вагонный участок одной из станций Омской железной дороги, где трудился до 1938 г. снова слесарем, осмотрщиком вагонов, мастером, приёмщиком. Здесь приохотился к общественной работе, в 1937 г. вступил в комсомол, был избран комсоргом, затем — членом бюро районного комитета комсомола. Занимался самообразованием: в этом же 1937 г. окончил семь классов вечерней школы.

В октябре 1938 г. призван на срочную службу в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию, попал на Камчатку в формирующиеся части главной воинской силы на полуострове — 101-й горно-стрелковой дивизии. Вначале был рядовым красноармейцем-артиллеристом, но вскоре, с учётом опыта предыдущей комсомольской работы, стал помощником политрука, то есть вошёл в младший политический командный состав, был избран комсоргом 279-го артиллерийского полка. В 1940 г. вступил во Всесоюзную коммунистическую партию

(большевиков). В январе 1941 г. избран комсоргом 428-го гаубичного артиллерийского полка резерва Главного командования, а с июня 1942 г. стал политруком пулемётной роты 138-го стрелкового полка. В 1943 г., уже в звании лейтенанта, становится парторгом 726-го отдельного зенитного дивизиона, а в октябре 1944 г. назначается на ответственную и хлопотную должность инструктора политотдела 101-й горно-стрелковой дивизии, становится специалистом по кадровой работе.

После Курильской десантной операции августа 1945 г. здоровье Сергея Константиновича пошатнулось — начали мучить приступы, как он говорил, «злой гипертонии», очевидно, последствия перенесённых в нелёгкие военные годы трудов и лишений. Последовало увольнение из армейских рядов. С ноября 1947 г. С. К. Юдин трудился начальником отдела кадров Полтавской областной конторы Госбанка. Здесь, на благодатной украинской земле, его здоровье поправилось, и в феврале 1950 г. он был вторично призван на службу, на сей раз в железнодорожные войска. Вот тут-то и пригодились рабочие навыки железнодорожника, полученные полтора десятка лет тому назад в Барабинской школе ФЗУ. На новом месте службы был секретарём партийной организации учебного полка, инструктором политотдела. С октября 1955 г. становится заместителем командира по политчасти 11-го отдельного железнодорожного батальона. Работы здесь было много, и ответственной: часть восстанавливала железнодорожный переход через Карпаты, который до основания разрушили отступавшие фашисты. Затем прокладывали рельсовые пути в Чехословакию, Румынию, Болгарию. Позднее строили подъездные пути от Львовско-Волынского угольного бассейна и транспортный переход в Польшу. Пришлось поучаствовать и в трагических событиях 1956 г. в Венгрии.

Вновь дала себя знать гипертония. Она и стала причиной окончательного увольнения из армии. С июня 1962 г. по 1980 г. С. К. Юдин трудился как вольнонаёмный в одной из войсковых частей в Львове (на военном заводе),

где занимался ремонтом радиолокационных станций. Был техником, мастером, инженером, заместителем начальника отдела.

Учился большую часть жизни: ещё в 1953 г. экстерном сдал экзамены за курс средней школы, в 1955 г., также экстерном, окончил военно-пехотное училище в Киеве, в 1970 г. — заочно Высшую партийную школу при ЦК КПСС, куда был рекомендован Львовским обкомом КПСС. Избирался депутатом местных Советов, членом райисполкома и райкома КПСС, многократно делегировался на партийные и профсоюзные конференции.

За годы воинской службы награждён двумя орденами — Красной Звезды (за Курильский десант), позже — Отечественной войны 2-й степени и двенадцатью медалями, в том числе двумя «За боевые заслуги».

На заслуженный отдых вышел в марте 1978 г. (по другим данным — в 1980 г.). Жил в Львове, имел двух сыновей и четверых внуков. Находясь на пенсии, как он указывает, «писал воспоминания, публикации о Курильском десанте в разные газеты». Вот на этом его занятии, ставшем смыслом последних лет жизни, мы остановимся поподробнее.

Сейчас, изучив собранные им материалы, мы можем смело сказать, что этот человек совершил в жизни два подвига: первый — воинский в ходе Курильской десантной операции, а второй — гражданский, кропотливо собрав и обработав большое количество документов, писем, воспоминаний, касающихся малоизвестной довоенной и военной истории Камчатки.

В письме директору музея, к сожалению, не имеющем точной даты, но написанном, по всей видимости, в самом начале 1999 г. [КОКМ ОФ 33743/3], он сообщал: «После ухода на пенсию я решил написать всё, живо сохранившееся в памяти, о Камчатке и воинской службе в 1938—1945 гг. Материал оказался громадным, и об издании не могло быть и речи. Кроме того, обстановка изменилась. Много в материале биографического, но фактов жизни и деятельности частей, в которых я служил, уйма. Даже не знаю, как Вам

удастся это использовать (в ходе подготовки этой книги к печати использованы почти все, за малым исключением, материалы автора, кроме повторов. — *Ред.*). Я же работать над этим не могу — здоровье шалит (ему в это время уже исполнилось восемьдесят два года. — *Ред.*).

Часть материалов в копиях. Кое-что передал Акшинскому (В. С. Акшинский — автор известной книги «Курильский десант», вышедшей в 1984 и 1995 г. В её втором издании С. К. Юдину посвящено несколько абзацев на с. 36, 127—128. — *Ред.*), кое-что взял музей в Киеве, много я передал в Ленинград, там бывший в десанте командир дивизиона подлодок Гаркуша собирался что-то написать (караван с десантом на переходе из Петропавловска к острову Шумшу охранял дивизион подводных лодок. — *Ред.*). Старался помочь Вам и сделал везде надписи. Высылаю наиболее интересные письма Шутова, Губайдуллина и других боевых друзей. Могу добавить, что из политотдела 101-й стрелковой дивизии в живых остался я один. Недавно ушли Кремянский, Тарасов и Кот...

Р. С. Думаю, немало получу шишек за свой почерк...» (С расшифровкой его рукописных текстов, действительно, пришлось повозиться, но дело того стоило.)

А вот ещё одно письмо от 20 октября 1999 г., в котором Сергей Константинович сообщил о том, что готов отправить собранные и аннотированные материалы в музей [ЖОКМ ОФ 33743/2]: «Прошло десять месяцев, как возникла реальная возможность учесть Ваше пожелание и выслать материалы, касающиеся Курильского десанта... Вы изъявили желание сделать попытку издать что-либо из моих воспоминаний (предложение об этом содержится в письме директора тогда Камчатского областного краеведческого музея от 26 января 1999 г. — *Ред.*). Я высылаю довольно объёмистые воспоминания, охватывающие период службы на Камчатке. Рассказ “Фабзайцы” — это период до призыва; “Комиссар Новак” — это период службы в 279-м арtpолку, жизнь полка; “На боевых позициях” — 428-й гаубичный артиллерийский полк; “Царица полей” — это

138-й стрелковый полк; “Часовые неба” — это 726-й отдельный зенитный дивизион, и далее “Политотдельцы”, “Десант”, “На Курилах”. Это большой материал и интересный и для ветеранов, и для современников. Но его трудно освоить, кроме того — беда с почерком. Отпечатать его я не смог. Туго со средствами, да и обстановка стала резко меняться, а у меня всё с позиций партийных и комсомольских. Да и вокруг Курил возникла проблема (автор письма имеет в виду ходившие в то время в России в отдельных кругах суждения о чуть ли необходимости вернуть Курильские острова Японии. Можно представить себе, что чувствовали слышавшие об этом ветераны боев за них, некогда полившие эту суровую землю своей кровью. — *Ред.*).

Хочу обратить Ваше внимание на очерк “Форпост на Лопатке”... Он отпечатан, богат содержанием. Шла война. Люди на Камчатке переваливали грузы, ловили рыбу и крабов, и мало кто знал, что на мысе Лопатка, суровом и холодном, в исключительно трудных условиях стоял батальон, 1 200 человек, готовых дать отпор врагу. Все данные абсолютно достоверны и объективны. В этом огромная заслуга Попова Николая Тимофеевича, который с первого дня до конца войны был в батальоне командиром миномётного взвода. Грамотный, наблюдательный, честный, он сохранил в памяти все эпизоды. Жаль, его нет в живых. Умер 9 ноября 1985 г. здесь, в Львове.

Очерк “Форпост на Лопатке” — подлинное свидетельство того, что хлебнули войны в годы войны на Камчатке. Этот очерк с интересом прочтут и ветераны, и современники. Но если пойдёт в издание, Попову Г. Т. должна быть отмечена особая благодарность и соавторство...

У меня остаётся мало [документов], как память для детей и внуков: благодарность и грамота с Курил, письма из газет, есть с Камчатки.

Старею. Слежу внимательно за состоянием дел в Украине и милой сердцу России. Скорблю и переживаю за горе и беды народа, за судьбу Курильских островов, за трудности, выпавшие на вашу долю. Вот канун Великого Октября

(революции 1917 г., выведшей нашу страну на путь социалистического развития. — *Ред.*). Здесь об этом и не помянут или лягут...»

По последней фразе чувствуется, что бывшему советскому офицеру-политработнику на «самостийной» Украине, да ещё и Западной, морально жилось уже неуютно да и материально стало несладко. Между прочим, с отправкой рукописей и материалов с Украины в Россию возникли сложности, правда, пока ещё не политические, а банальные денежные.

«Почти полгода, собрав материалы, обращался на почту. Ответ: посылкой и бандеролью наложенным платежом в Россию не принимаем, пришлите, после вам вышлют деньги. Сделали мне расчёт: вес бандероли 1 965 граммов, за пересылку 10,70 гривен, по курсу рубля на 6 октября 1999 г. — 60 руб. 63 коп. Писать — большая потеря времени». Далее: «Сегодня меня известили, что почта может принять к отправке в Ваш адрес наложенным платежом. Отправить бандероль ранее я был лишён возможности... Получил пенсию и решил отправить бандероль за свои. Думается, найдёте возможность компенсировать, но главное, чтоб был толк».

В письме от 23 октября 1999 г. [КОКМ ОФ 33743/1] он вновь волнуется за судьбу рукописи покойного друга: «А вдруг Вам удастся протолкнуть издание “Форпост на Лопатке”? Время дорого...» Здесь же просит сделать музейную опись полученного и отправить её ему. «Хоть детям покажу, что делал нужное дело. Нашёл своё фото 1945 г. — года десанта, может, куда подойдёт?» (Эта фотография с учётным номером КОКМ ОФ 33369/17 приведена нами на первом фоторазвороте.)

А теперь о том, как составлялись воспоминания и очерки, вошедшие в эту книгу. Внимательный читатель найдёт в них эпизоды, сообщённые С. К. Юдину его многочисленными корреспондентами. Пожалуй, одним из наиболее показательных в этом плане является письмо, адресованное 26 ноября 1980 г. Герою Советского Союза П. И. Шутову [КОКМ ОФ 33369/51]:

«Если не затруднит, сообщите кратко данные: 1. Номер ДС (десантного судна. — *Ред.*), на котором плыл передовой отряд. 2. Состав передового отряда. Откуда была рота автоматчиков? 3. На каком фланге отряда находились моряки Почтарёва (после высадки). 4. Хотя примерная последовательность высадки 373 СП (стрелкового полка. — *Ред.*), 279 АП (артиллерийского полка. — *Ред.*), 428 ГАП и т. д., хотя это Вам знать трудно...»

Напротив этих вопросов на специально оставленных местах приведены чёткие ответы Шутова:

«1. Передовой отряд разместили на четырёх ДС, номера не помню. 2. Две роты моряков, рота пограничников, рота автоматчиков 138 СП, рота ПТР 138 СП, миномётная рота, пулемётная рота 302 СП, сапёрная рота, взвод химиков. 3. Майор Почтарёв с одной ротой моряков на левом фланге. Остальные моряки и пограничники в центре. Рота автоматчиков — на правом фланге. 4. Передовой отряд, затем подразделения 138 СП, батальона товарища Суханова, товарища Мас... (неразборчиво. — *Ред.*). 373 СП был во втором эшелоне...»

В одной из своих публикаций Сергей Константинович обратился к соратникам: «Дорогие друзья, дорогие однополчане! Родина никогда не забудет вашего подвига! Вы теперь далеко. Судьба разбросала вас по всему Советскому Союзу. Пишите. Пишите о тех, кто шёл рядом с вами в бой и которых, обременённых оружием, захватила волна прибое и накрыли тёмные воды океана. Пишите о тех, кто пал смертью героя от вражеской пули и накрыт землёй Курильской. Добрые люди здесь, на Курилах, терпеливо ищут сведения обо всех, кто отличился в бою, кто погиб смертью храбрых. В Северо-Курильске организовался музей боевой славы. Пишите, боевые друзья!»

И они, а также их родные и близкие, писали. Интересные подробности об обстановке в Петропавловске в первые дни после завершения Курильской эпопеи, также использованные при подготовке авторских рукописей, находим в письме А. М. Рожковой, супруги майора А. С. Рожкова,

пропагандиста политотдела 101-й стрелковой дивизии [КОКМ ОФ 33369/30]:

«...Всю войну он готовил кадры для фронта, а сам попал в такую кашу. Их, малоподготовленных к десантным операциям, отправили на Курильские острова, где они высаживались на берег. Встречу им японцы оказали достойную. Благодаря тому, что он прекрасно плавал, во всём снаряжении доплыл до берега. В их катер попала бомба, и его ударило в голову, видимо, не так сильно.

Прошло порядком времени, я он него ничего не получала, очень волновалась. Жили мы на Микояновской, 29, около АКО (сейчас это улица Ленинградская. — *Ред.*). Однажды слышу шум на улице, взглянула в окно — машина за машиной, а на ступеньках каждой машины — медсестра. Я выбежала на улицу, спрашиваю, в чём дело? Везут раненых с Курильских островов. Я стояла у дороги и спрашивала каждую медсестру, нет ли в её машине политрука Рожкова, простояла десять часов, устала и пошла домой. Наутро я пошла в дивизию, а там был уже список убитых и раненых, и указано, в каких госпиталях. Вот тут-то я прочитала в одном списке: “Гетманов”, по-моему, убит. Я ещё раз проверила все списки, Рожкова не было. О Гетманове я больше ничего не знаю.

В тот день, 7 сентября, я только узнала, что Рожков жив и награждён орденом Отечественной войны 1-й степени. Как раз я была в роддоме в Петропавловске. Родилась у меня дочь Сима, назвали по созвучию с Симусю. Меня пришли поздравить врачи и сёстры. Это ваш муж? Да, это мой муж. Но я ничему не была так рада, как известию, что он жив!

Через некоторое время прилетел Акшинский и привёз мне письмо, вот тогда я была в восторге. Потом была встреча. Он был возбуждён, и первое, что он сказал: “Я рассчитался за отца, за его поражение, мы победили”.

Но восторг был недолгим, узнала, что когда Саша готовился к докладу о смерти Сергея Мироновича Кирова, произошло следующее: домик, где он готовился, был японский, окошки от пола на четыре метра в высоту, вдруг дом подо-

жгли, а он заснул. Вспомнили о Саше, когда весь дом был в пламени, бойцы связали ремни, выбили стекло и, подвязав его на ремни, стали вытаскивать в окно. Мужчина он был тяжёлый, дотащили до окна, он сорвался, упал об пол головой, тогда-то и был ушиблен в голову повторно, у него появилось тяжёлое заболевание — травматическая эпилепсия... не вышел из припадков и умер 25 декабря 1972 г.».

Давний друг Владимир Зоточкин, бывший секретарь комсомольского бюро 279-го артиллерийского полка, с которым автор познакомился ещё по пути на Камчатку в воинском эшелоне в 1938 г., тоже поделился своими воспоминаниями. Некоторые их эпизоды нашли отражение в очерке «Советские зори на Курилах»:

«...Я помню, как сейчас, нашу с тобой последнюю встречу после завершения боевой операции на острове Симусю. В одной из комнатушек японского здания, приспособленного под политотдел 101-й горно-стрелковой дивизии, выпили мы с тобой по чарке за победу над самураями, закусили консервированным ананасом. Маленько помечтали...

Помню твоё пожелание: после демобилизации поехать работать в Молдавию, туда, где особенно будут нужны молодые кадры! И в это время зашёл полковник Захаров и разогнал нашу компанию, потому что мой командир дивизиона Бочков в честь Победы стал (публично) на глазах подчинённых распивать спиртное.

Во Втором Курильском проливе наш дивизион погрузили на “торгаш” и отправили на остров Мацува (Матуа. — *Ред.*). Но по дороге у острова Харимкотан наш пароход по вине вахтенного налетел носом на подводную каменную банку и завяз на ней мёртво. Пока вызвали эпроновцев (спасателей-судоподъёмщиков. — *Ред.*), а нас перегрузили на другой пароход, прошло три дня, и на свой остров Мацува мы прибыли в порядке усиления 302-го СП, тогда, когда отдельный королевский полк японцев уже сложил оружие.

На остров Симусю наш дивизион был своевременно высажен и приведён в боевую готовность, но открыть огонь по японцам ему не пришлось, и потерь мы не имели. Таким

образом, за всё время ведения боевых действий нашему второму дивизиону не пришлось скрестить оружия с японскими самураями.

На острове Матува развернул солдатскую художественную самодеятельность. Даже ставил и сам участвовал в таких постановках, как “На бойком месте” А. Островского, “Каменный гость” Пушкина и другие.

В 1946 г. съездил в отпуск на материк, женился. С молодой женой в течение двух месяцев добирался на товаропассажирском пароходе от Владивостока до своей части (два медовых месяца). Изъездили Курилы вдоль и поперёк. И вот в начале ноября 1946 г. на берегу Второго Курильского пролива побывали с женой в гостях в семье старшего лейтенанта Пикалова (начальника штаба 279-го артполка во время десантной операции), и ночью при погрузке с лайбы на пароход жена сорвалась со штурмтрапа в океан, а при спасении, увидев под ногами палубу парохода, отпустила спасательный круг и упала на бимсы (двутавровые металлические балки), разбила ногу и лоб.

В начале 1947 г. по семейным обстоятельствам меня перевели в Западно-Сибирский военный округ...»

29 декабря 1985 г. В. Зоточкин, как сумел, ответил на конкретные вопросы друга, касающиеся бывших командиров, сыгравших значительную роль в их человеческом и воинском становлении, и рассказал о редком природном явлении — извержении вулкана на острове, на котором ему пришлось служить [КОКМ ОФ 33369/23]:

«...На твои вопросы могу сообщить только некоторые данные... 1) майор Анатолий Брюханов перед войной уехал на учёбу в академию. При обороне Москвы в 1941 г. его артполк первым в стране получил звание гвардейского, 2) в начале войны комиссар 279-го артполка Новак Степан Яковлевич был отозван в штаб Дальневосточного фронта и где-то в 1942 г., по словам видевших его офицеров, он командовал артбригадой.

Об извержении вулкана на острове Мацува. До ноября 1946 г. вулкан Сарычева (остров Мацува) вёл себя спокой-

но и даже совсем не курился. В начале ноября 1946 г. над кратером вулкана появился первый шлейф дыма. 11 ноября 1946 г. в 08.00 кратер вулкана мощно задымил, и вскоре началось извержение: громадное облако дыма, пепла и пара закрыло всю гористую часть острова и поднялось над вулканом на высоту до километра. Громада вулканической тучи прорезалась чирканьем раскалённых бомб, освещалась блеском молний и сотрясалась грозowymi разрядами. По юго-западному склону вулкана начала изливаться багровая лава и скатываться в море. От вулканических бомб на острове загорелась одна из казарм, но среди личного состава, к счастью, потерь не было. Командование дало сигнал “SOS!”, и 13 ноября 1946 г. началась эвакуация личного состава и техники на подошедшие корабли, 302-й СП и наш дивизион эвакуировались в порт Корсаков на Южный Сахалин. Извержение обошлось без землетрясения при стабильном направлении господствующего ветра с севера на юг. Этим и объясняется счастливый исход стихийного бедствия для жителей острова...»

С Украины, из города Шостки Сумской области, в июле 1983 г. пришло письмо от участника десанта Архипа Захаровича Гепалова [КОКМ ОФ 33369/27]. Сообщил он немного, свои ощущения о тех тяжёлых днях, подтвердил сведения о том, что много людей утонуло, так и не сумев вступить в бой на суше:

«...Лично я высаживался со своей миномётной ротой на втором катере, где была наша рота и третий стрелковый батальон. Но нам не пришлось высадиться на берег, так как японские доты с правой стороны и с левой прямой наводкой расстреляли наш катер, который не дошёл до берега метров 150—200, и нам, уцелевшим бойцам, пришлось прыгать за борт катера и плыть до берега. Много моих товарищей побило на катере, и многие не смогли доплыть до берега острова Шумшу.

Я до самого конца жизни не забуду этих дней, 17—18 августа 1945 г. Я только и вспоминаю. Бывает ли [кто] на братских могилах на этом, таком далёком, маленьком

острове? Мне раньше писал корреспондент газеты “Курильский рыбак” т. Сергеев о том, что иногда бывает делегация на могилах наших боевых товарищей, навечно оставшихся на этом маленьком острове Шумшу. И ещё он мне сообщил о том, что на этом острове гражданского населения нет, кроме военных пограничников».

О больших потерях свидетельствует и корреспондент, фамилию которого расшифровать не удалось, в сообщении от 17 декабря 1985 г. [КОКМ ОФ 33369/22]:

«Насчёт эпизодов героических при высадке на Шумшу. Мы, то есть 428-й ГАП, плыли на морском пароходе “Север” из состава первого дивизиона, командир дивизиона Кузнецов. Из взвода разведки и двух огневых взводов осталось восемь человек. Одна бомба, и все ко дну, а как и кто выплыл, всё из памяти уже выветрилось. Много героических примеров, но всё забыто. Только помню, где мы высаживались, начиная с августа и по ноябрь, вытаскивали трупы из прибившей морской волны на затонувшем пароходе “Мариуполь”, где стояли японские батареи. Я там был».

Некоторые сведения об организации авиационной поддержки десанта содержатся в отпущении Н. И. Осипова, бывшего лётчика, жившего в Казани, от 12 мая 1982 г. [КОКМ ОФ 33369/46]:

«18 августа 1945 г. тихо подошли, японцы спали, разбудили их внезапно, а ещё выстрелами береговой батареи с мыса Лопатка. А дальше, сами знаете, пошла высадка с боем основного десанта. Для авиации погода не благоприятствовала, да расстояние от наших аэродромов было велико. Если самолёты нашего полка (МБР-2, “Каталина”) могли летать, а вот для истребителей “Кобра” бензина не хватало, вот почему наш командир полка сам на самолёте “Каталина” был как “маяк” и наводил быстро по нашим данным самолёты на цель, то есть он висел над боем, над островами...»

Ярчайшим примером огромной значимости проделанной С. К. Юдиным работы является благодарность, высказанная ему Александром Гетмановым, сыном героически погиб-

шего при высадке на Шумшу капитана В. И. Гетманова. Вот выдержка из его послания из Киева от 13 августа 1982 г. [КОКМ ОФ 33369/45]:

«Сегодня получил письмо от тёти Ани. Она переслала мне газету и фотографию отца. Я очень внимательно прочитал Вашу статью и вообще всю газету. Я ведь, по существу, ничего не знал об отце. Может, мама что-то и рассказывала, но это было очень давно, и я, конечно, ничего не помню. Я даже и не подозревал, что отец был такой эрудит. А родом он, между прочим, с Воронежской области. Я очень горжусь своим отцом. Эту газету обязательно дам почитать Андрею, он должен знать, кто был его дед, гордиться им и быть достойным носить его фамилию. Очень Вам благодарен за эту статью». Это яркий пример восстановления разорванной, было, связи поколений, приобретающий особенную важность в наше суетливое и беспамятливое время.

Капитану Гетманову, долго жившему на Камчатке, и его подвигу в этой книге посвящён отдельный очерк. Так получилось, что два его малолетних сына, рано потерявшие отца, вскоре остались и без матери, воспитывались в детдоме. И только войдя в зрелые годы, они смогли узнать подробности короткой, но яркой жизни их отца и его славной смерти. Подвиг капитана Гетманова кратко описан и в работе В. С. Акшинского «Курильский десант» (с. 61), а произошло это тоже во многом стараниями С. К. Юдина. По этому поводу он отметил: «Данные о подвиге Гетманова для книги “Курильский десант” я дал полностью».

В 1980-х гг. С. К. Юдин начал активно публиковать собранные им материалы в виде статей и очерков в дальневосточных и центральных газетах. Значимость содержащихся в них новых сведений была отмечена не только читающей публикой, но и квалифицированными научными сотрудниками. Доцент кафедры истории СССР Южно-Сахалинского педагогического института А. Н. Рыжков прочитал в газете «Курильский рыбак» очерк «Советские зори на Курилах» и предложил опубликовать его в сокращённом

виде в предполагавшемся к публикации втором сборнике воспоминаний ветеранов Курильского десанта (письмо от 1 декабря 1982 г.) [КОКМ ОФ 33369/24]. Он мог вполне объективно оценить прочитанное: сам участвовал в освобождении от японцев Южного Сахалина.

За минувшие после войны годы на основе документов архива Министерства обороны СССР А. Н. Рожков подготовил ряд публикаций, в том числе вышедшую в 1980 г. в Южно-Сахалинске книгу «Бои за родные острова». Он был знаком с руководителями десантной операцией генералами Гнечко и Дьяковым, её деятельными участниками Шутовым и Губайдуллиным. Первый такой сборник «Летопись героических дней» вышел в Южно-Сахалинске под его научной редакцией ещё в 1969 г. Но вопрос об издании второй работы пока решён не был. А. Н. Рожков писал: «В сборнике воспоминаний не должно быть повторений. Каждый автор должен писать о том, что знает только он один... Отбор рукописей ещё не сделан... нет договорённости с издательством...»

Сведений о том, была ли завершена эта работа, мы пока не нашли.

С. С. С. Р.
СИБИРСКИЙ ВОЕННЫЙ ОКРУГ
КУЙБЫШЕВСКИЙ
РАЙОННЫЙ КОМИССАРИАТ
Отдел ВЗ
28 "Сентября" 1938 г.
№ 12809

Спешно по призыву в РККА.

ПОВЕСТКА

"Юдин Сергей Константинович"
"Заварыкин Борис Иванович"
"18" "ВЗ-5"
Для отправки Вас в кадры Рабоче-Крестьянской Красной Армии явиться в Куйбышевский районвоенкомат "2" "Сентября" 1938 года к 8 час. утра.

При себе имейте паспорт, или удостоверение личности, справку с места работы с указанием о произведенном с Вами расчете, с выплатой 2-х недельного пособия. Явиться необходимо подстриженным, вымытым в бане, в чистом белье с теплой верхней одеждой и крепкой обувью, иметь ложку, кружку и по возможности чайник, пару чистого белья, полотенце, мыло, зубную щетку, порошок и бритву. Собственные вещи Вы имеете право бесплатной посылкой выслать домой. За неявку или опоздание будете привлечены к ответственности.

Куйбышевский РАЙВОЕНКОМ:

Повестка о призыве в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию, 1938 г. (НВФ 2894)

С. К. Юдин — комсорг 279-го артиллерийского полка (КОКМ ОФ 33369/70)

С. К. Юдин в 1945 г., после Курильского десанта (КОКМ ОФ 33369/17)

Смерть немецким оккупантам!

**Пятая дивизионная
партийная конференция**

МАНДАТ № 130

Тов. *Юдин Сергей Константинович*

является делегатом Пятой дивизионной партийной
конференции от парторганизации *367 оад.*
с правом РЕШАЮЩЕГО голоса

Председатель мандатной
комиссии *А. Д. К. Р.*

Действителен по предъявлении партбилета

Мандат участника пятой партийной конференции 101-й горно-стрелковой дивизии от 367-го отдельного артиллерийского дивизиона (НВФ 2897)

Пролетарии всех стран, соединитесь!

**Третья дивизионная
партийная конференция**

МАНДАТ № 53

Тов. *Юдин С. К.*

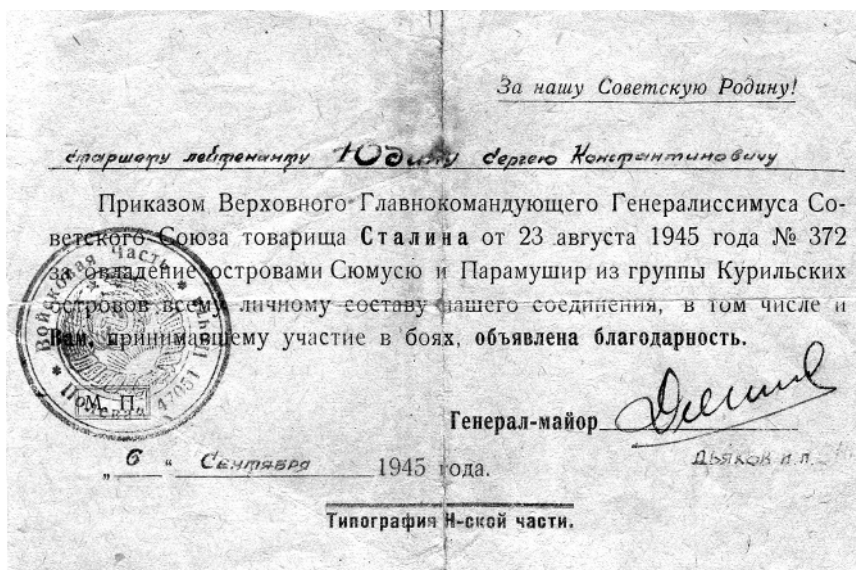
является делегатом Третьей дивизионной партийной
конференции от парторганизации *279 арт.*
с правом РЕШАЮЩЕГО голоса.

Нач. отдела политпропаганды
полковой комиссар *В. И. Громов*

Действителен по предъявлении партбилета.

Мандат участника третьей партийной конференции 101-й горно-стрелковой дивизии от 279-го артиллерийского полка (НВФ 2896)

Благодарность Верховного Главнокомандующего, 6 сентября 1945 г.
(КОКМ ОФ 33369/8)

Удостоверение о награждении медалью «За победу над Японией»
(КОКМ ОФ 33369/7)

ЗА НАШУ СОВЕТСКУЮ РОДИНУ!

НЕОБХОДИМО ПОМНИТЬ УКАЗАНИЯ ВЕЛИКОГО ЛЕНИНА О ТОМ, ЧТО ПЕРЕЙДЯ К МИРНОМУ ТРУДУ, НУЖНО ПОСТОЯННО БЫТЬ НА-ЧЕКУ, БЕРЕЧЬ, КАК ЗЕНИЦУ ОКА, ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ И ОБОРОНОСПОСОБНОСТЬ НАШЕЙ СТРАНЫ.

И. СТАЛИН.

ГРАМОТА

ДОРОГОЙ ТОВАРИЩ Юдин С.К.

Вы с честью выполнили свой воинский долг. Ваша служба в Красной Армии — пример беззаветного служения Родине. В период мирной учебы и на поле боя Вы вложили много сил и энергии, чтобы возвеличить славу Красной Армии и своего соединения, которое Советским правительством награждено орденом Ленина.

Командование и Политотдел соединения за безупречную службу в Красной Армии **ОБЪЯВЛЯЕТ ВАМ БЛАГОДАРНОСТЬ и НАГРАЖДАЕТ ГРАМОТОЙ.**

Надеюсь, что Вы и на фронте мирного строительства будете самоотверженно работать над выполнением послевоенной Сталинской пятилетки, крепить оборонную мощь своей любимой Родины, высоко нести честь и славу воина-победителя.

Командир соединения

полковник **ВОРОВ**,
В.

Начальник Политотдела соединения

полковник **АЛЕНТЬЕВ**,
В.

28 Марта 1947г.

Грамота командования и политотдела 101-й стрелковой дивизии
(КОКМ ОФ 33369/9)

4 из 3

ГНЕЧКО ТИШ-334.

~~Вспомогательная~~ Курилах~~СОВЕТСКИЕ ЗОРИ НА КУРИЛАХ~~

~~О героических действиях десантников участвовавших в
р-в освобождении Северной группы Курильских островов написа-
но в вашей газете не мало. Но о многом еще не сказано.~~

Много, и много еще надо поведасть читателям о героических
подвигах воинов. ^{сейчас} далеко не полностью восстановлена память
о некоторых ^{героях} наших павших смертью героя в 1904.

И ^{сейчас} ~~в этот~~ ^М ~~момент~~ ^{как} участнику десанта, хо-
чется рассказать о действиях наших частей после капиту-
ляции японских войск на о-ве ^{ТФ} Шуму, о ходе освобождения
оставшихся островов, восполнить некоторые эпизоды этого пе-
риода, а также рассказать о первых порах становления и
укрепления на островах нашего советского ^{Курильских} ~~острова~~ ^{образа} жизни.

После того как японцы потеряли и потерявшие всякую
надежду удержать острова были вынуждены капитулировать
события развивались стремительно.

Наши части проявляли решительность, смелость, на-
ходчивость. ~~использовали все наличные возможности.~~ ^{Без} Не
теряя ни одной минуты продвигались вперед занимая остров
за островом, освобождая исконно русские земли. Как это было?

Батальоны 138 стр. полка, 373 стр. полка не-
поддерживаемые артиллерией 279 арткварталлилийского полка
и 428 ^Н ~~гоусбтного~~ ^{гоусбтного} артиллерийского полка с позиции на высо-
тах 171,0 и 165,0 не сдвигая боевых порядков стремитель-
но продвинулись вперед и вышли к 2-му Курильскому проливу

Страница рукописи С. К. Юдина «Советские зори на Курилах»
(ККМГИ 29577)

